

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 314.42:316.4.06

DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-1-28-36

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ: ОСОБЕННОСТИ И ВЛИЯНИЕ НА СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ¹

THE RUSSIAN MODEL OF ALCOHOL CONSUMPTION: FEATURES AND IMPACT ON POPULATION

С.А. Вангородская
S.A. Vangorodskaya

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: Vangorodskaya@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается влияние российской модели потребления алкоголя на показатели смертности населения России. Выявлено, что масштабы потребления алкоголя в России превышают максимально допустимые нормы и создают реальную угрозу здоровью нации. Проведен анализ вклада алкоголя в смертность населения от сердечно-сосудистых заболеваний и внешних причин смерти. Показано влияние алкогольной компоненты на статистику смертности населения трудоспособного возраста. Указано, что особое значение приобретает изучение поведенческих паттернов, связанных с потреблением алкоголя. Модель потребления алкоголя рассматривается в качестве одного из двух основных параметров, оказывающих (наряду с объемом употребляемого алкоголя) решающее воздействие на состояние здоровья населения. Выделены основные элементы российской модели потребления алкоголя. Дана характеристика основных групп факторов (культурно-исторических, социально-экономических и политических), оказавших влияние на формирование российской модели потребления алкоголя. Сделан вывод о необходимости учета национальных особенностей при осуществлении мер государственной антиалкогольной политики.

Abstract

The article considers the influence of the Russian model of alcohol consumption on mortality rates of the Russian population. It is revealed that the scale of alcohol consumption in Russia exceeds the maximum permissible standards and poses a real threat to the health of the nation. The contribution of alcohol to mortality from cardiovascular diseases and external causes of death was analyzed. The influence of alcohol component on mortality statistics of the working-age population is shown. It is indicated that the study of behavioral patterns associated with alcohol consumption is of particular importance. The alcohol consumption model is seen as one of the two main parameters that have (along with the volume of alcohol consumed) a decisive impact on the health of the population. The main elements of the Russian model of alcohol consumption are highlighted. The characteristic of the main groups of factors (cultural, historical, socio-economic and political) that influenced the formation of the Russian model of alcohol consumption is given. The conclusion about the necessity of taking into account the national peculiarities in the implementation of the state anti-alcohol policy is made.

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» на 2017 год, проект № 28.7195.2017/БЧ «Риски и тренды самосохранительного поведения населения центральных регионов Российской Федерации».

Ключевые слова: потребление алкоголя, смертность населения, продолжительность жизни, сердечно-сосудистые заболевания, внешние причины смерти, трудоспособное население

Keywords: alcohol consumption, per population, life expectancy, cardiovascular disease, external causes of death, working population.

Проблема влияния алкогольной компоненты на показатели здоровья и смертности населения постоянно находится в центре внимания мирового сообщества. Так, в документе «Здоровье 2020: основы европейской политики и стратегия для XXI века», утвержденном представителями 53 стран Европейского региона в сентябре 2012 года, употребление алкоголя названо одним из семи ведущих факторов риска, связанных с образом жизни и поведением и детерминирующих порядка 60% заболеваний населения региона [8].

Повышенное внимание исследователей к изучению алкоголь-ассоциированной смертности в России обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, серьезные опасения со стороны общественности и представителей научного сообщества вызывают масштабы потребления алкоголя в России.

Согласно данным, представленным в отчете Министерства здравоохранения Российской Федерации за 2016 год, потребление алкогольной продукции в перерасчете на абсолютный алкоголь на душу населения в 2016 году составило 10,3 л [14, с. 26]. Между тем, согласно данным ВОЗ, показатель в 8 л алкоголя на душу населения уже считается критическим и представляет реальную угрозу здоровью нации.

По оценке Организации экономического сотрудничества и развития (OECD), представленной в отчете об уровне употребления алкоголя в странах, входящих в данную организацию, алкоголь-ассоциированная смертность в России составляет 30,5% от общего числа смертей, что выводит нашу страну на первое место в мире по числу смертей, связанных с употреблением алкоголя [26].

При этом, особые опасения вызывает не столько объем, сколько крепость спиртных напитков, потребляемых россиянами. По данным, приведенным в публикации Г.Г. Заиграева, «в России доля крепких спиртных напитков, потребляемых населением, составляет 72,3% против 25-30% в большинстве других стран» [6, с. 74].

Результаты исследований российских ученых [3; 6; 11] позволяют констатировать тот факт, что, начиная с XVI века и до настоящего времени в России наблюдается доминирование так называемого «северного» типа алкоголепотребления, для которого характерно преобладание в общей структуре спиртных напитков крепкого алкоголя. Причем, если в большинстве развитых регионов мира в последние десятилетия наблюдается тенденция к «сглаживанию национальных особенностей потребления спиртного», при которой «в южных регионах пьют все меньше вина, в северных – крепких спиртных напитков» [3, с. 103], то в России главным изменением последних десятилетий является увеличение потребления пива, которое не столько замещает, сколько дополняет потребление крепкого алкоголя [3, с. 103].

Во-вторых, именно алкоголь вносит существенный вклад в статистику смертности населения России от двух основных классов смертности – внешних причин смерти и сердечно-сосудистых заболеваний.

Согласно данным официальной статистики, всего от отдельных причин смертности, связанных с употреблением алкоголя, в России в 2016 году умерло 41 912 мужчин и 14 371 женщина [4, с.178]. Вместе с тем, данные цифры отражают лишь незначительный процент смертей, обусловленных воздействием на организм алкогольных напитков. Гораздо больше алкоголь-ассоциированных смертей приходится на убийства, самоубийства, несчастные случаи и пр. По данным различных исследований, порядка 73% убийств [11, с.14], 45% самоубийств [13, с.8] и 67% утоплений [25] в России являются результатом предварительного потребления алкогольных напитков.

«Ужас в том, что при вскрытии погибших пациентов в 70% случаев выявляется алкоголь в крови. Впервые за последние годы увеличилось количество суицидов, алкогольных отравлений. Это большая проблема», – заявила министр здравоохранения РФ Вероника Скворцова, обсуждая в августе 2015 г. проблему повышения уровня смертности населения в России [21].

Что касается смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, то их обусловленность в России потреблением ударных доз крепкого алкоголя уже неоднократно подтверждена как отечественными, так и зарубежными исследователями [2]. В одном из последних исследований аналитики Научно-исследовательского института организации и информатизации здравоохранения пришли к выводу о практически полном совпадении темпов роста потребления алкоголя на душу населения и смертности от болезней системы кровообращения [20].

При этом, необходимо учитывать, что потребление алкоголя может выступать как в качестве основной детерминанты увеличения коэффициентов смертности от болезней системы кровообращения и внешних причин, так и служить сопутствующим фактором последовательного ухудшения состояния здоровья, что провоцирует развитие (осложнение) различных заболеваний и, в конечном счете, становится предпосылкой сокращения продолжительности жизни [10; 19]. В частности, исследование, проведенное в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, показало наличие прямой корреляции между низкими показателями ожидаемой продолжительности жизни в региональном разрезе и высоким уровнем потребления алкоголя [10].

Согласно данным Роспотребнадзора за июнь 2017 года, в тройку самых пьющих регионов страны вошли Магадан и Сахалин. К таким выводам в ведомстве пришли, проанализировав объем продаж спиртного на душу населения [16, с.9]. При этом, показатель ожидаемой продолжительности жизни в Магадане в 2016 году был равен 69 лет, а на Сахалине – 68,7 года (при общероссийском показателе в 71,87 года). В то же время, регионы Северного Кавказа, признанные самыми непьющими, характеризуются одновременно и самой высокой в России продолжительностью жизни населения (в 2016 году – 75,13 года).

В-третьих, неумеренное потребление алкоголя является одним из основных факторов аномально высокого уровня смертности населения России трудоспособного возраста, что создает угрозу не только экономическому развитию страны, но и сохранению нации в целом. Взаимосвязь высоких показателей смертности населения трудоспособного возраста с высоким уровнем потребления алкоголя была подтверждена многочисленными исследованиями [1; 7; 23], и нашла отражение в таких программных документах, как «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» и «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».

Вклад алкоголя в смертность населения трудоспособного возраста становится особенно очевидным при сопоставлении показателей смертности мужского и женского населения трудоспособного возраста. В частности, в 2016 году общероссийские показатели смертности мужчин трудоспособного возраста превышали соответствующие показатели в отношении женщин в 3,6 раза (при показателях смертности мужского и женского населения – 800,5 и 224,9 на 100 тыс. населения соответственно) [4, с.183-184].

Еще более красноречивыми выглядят гендерные различия в показателях смертности населения трудоспособного возраста от случайных отравлений алкоголем. Так, в 2016 году смертность мужчин трудоспособного возраста от данного класса причин превысила данный показатель среди женщин в 5,4 раза (19,8 против 3,7 на 100 тыс. лиц трудоспособного возраста соответственно) [4, с.183-184].

Результаты проведенного Росстатом в 2016 году комплексного наблюдения условий жизни населения показали, что среди лиц в возрасте 15 лет и старше 60,6% употребляют алкогольные напитки. При этом, больше всего пьют мужчины,

проживающие в крупных городах (с населением более 1 млн. человек), а меньше всего – женщины в сельской местности [9].

В-четвертых, наряду с негативным воздействием алкоголя на структуру и характер демографических процессов в России, можно выделить социально-структурные последствия алкоголизации населения, к числу которых относятся: деградация социальных структур, маргинализация, люмпенизация ранее устойчивых социальных групп, упрощение и примитивизация социальных связей и образа жизни и др. [17, с.155]

Все эти обстоятельства, выделяющие Россию на фоне развитых стран мира, диктуют необходимость исследования специфических особенностей поведения россиян в отношении потребления алкоголя, способных пролить свет на причину мирового лидерства России по числу алкоголь-ассоциированной смертности.

Между тем, сложность изучения алкогольной проблематики заключается в том, что, «вокруг спиртного создается сложный конгломерат взаимосвязей, часто трудных для анализа, для выявления причинно-следственных отношений, в том числе, и в проблеме влияния алкоголя на смертность» [12, с.111]. По мнению А. Немцова, именно сложность этих взаимосвязей «порождает мифы вокруг алкоголя или прямолинейные толкования эффектов потребления спиртных напитков» [12, с.112].

В этой связи особое значение, на наш взгляд, приобретает изучение поведенческих паттернов, связанных с потреблением алкоголя и сформированных под влиянием культурно-исторических, экономических и иных особенностей развития российского государства.

Применительно к поведенческим аспектам потребления алкоголя в социологической литературе используется понятие «модель потребления алкоголя». По мнению экспертов ВОЗ, именно модель потребления алкоголя выступает в качестве одного из двух основных взаимосвязанных параметров, оказывающих (наряду с объемом употребляемого алкоголя) решающее воздействие на состояние здоровья населения [24].

Согласно информации, представленной на сайте Всемирной организации здравоохранения, модель потребления алкоголя в стране оценивается в баллах от 1 (наименее рискованная модель потребления) до 4 (очень рискованная) степеней тяжести бремени болезней, связанных с алкоголем. Российская модель потребления оценена в 5 баллов, так как более 2/3 объемов потребления алкоголя связаны с «рискованной моделью потребления» [1, с.101].

Анализ исторических и социологических источников позволяет выделить следующие элементы российской модели потребления алкоголя, которые сформировались несколько столетий назад и сохранились до настоящего времени практически в неизменном виде:

1. Преобладание в общей структуре потребления крепких спиртных напитков над слабоалкогольными («северная» или «водочная» модель).
2. Эпизодическое пьянство, сопряженное с выходными и праздничными днями.
3. Потребление больших разовых доз алкоголя.
4. Употребление суррогатов как дешевого заменителя алкоголя в периоды ограничения продажи алкогольной продукции со стороны государства.
5. Восприятие алкоголя как неотъемлемого атрибута всех важных событий личного и общественного характера, а также как антидепрессанта.
6. Формирование поведенческих моделей потребления алкоголя при непосредственном участии государства.
7. Резистентность населения к мерам контроля со стороны государства.

Все факторы, оказавшие влияние на формирование российской модели потребления алкоголя, можно объединить в три большие группы: культурно-исторические, социально-экономические и политические, связанные с деятельностью отдельных политических лидеров и государства в целом на различных этапах российской истории.

К культурно-историческим факторам относятся: суровые природно-климатические условия, несформированность культуры разумного потребления алкоголя на фоне существования большого числа обычаев и традиций, «требующих питья и угощения по самым разнообразным случаям и событиям в жизни, превращающих алкоголь в неперенный атрибут повседневного быта людей» [6, с.76], отсутствие условий для производства слабоалкогольных напитков и пр.

К числу социально-экономических детерминант формирования российской модели потребления алкоголя можно отнести доступность алкоголя, дешевизну крепких спиртных напитков в сравнении со слабоалкогольными, неблагоприятное экономическое положение значительной части населения России, побуждающее к потреблению алкоголя как одной из наиболее доступных форм проведения свободного времени, социальная напряженность, возникающая на фоне глубокой поляризации общества, а также масштабные экономические и социальные реформы, сопровождавшие весь период существования российского государства.

Рассматривая социально-демографические последствия алкоголизации населения в России, исследователи приходят к выводу о том, что на всем протяжении российской истории проблемное потребление алкоголя выступало культурально детерминированной реакцией «преодоления стресса, порожденного социальными изменениями» [15, с.16], одновременно выступая «способом социально-психологической компенсации, способом адаптации к бурно меняющейся и непомерно тяжелой действительности» [5, с.17].

По мнению А. Немцова, главная функция алкоголя заключается в том, что он обеспечивает «временный и, конечно, мнимый уход от повседневного неблагополучия как материального, так и психологического. Благоприятное действие алкоголя эфемерно противостоит житейским трудностям самого разного содержания и масштаба» [12, с.112]. Исходя из этого, А. Немцов приходит к парадоксальному, но вполне логичному выводу: «Трудно представить, что было бы с нашей страной в условиях ее «сухого» существования» [12, с.112].

Одним из существенных экономических факторов, способствовавших формированию нынешней модели потребления алкоголя в России, выступает высокая покупательная способность населения в отношении алкоголя. Так, например, если в 1972 г. на среднюю зарплату можно было купить 35 полулитровых бутылок водки, а в 2006 – 135 [11, с.15], то в 2016 году – уже 190. При этом в Магаданской и Сахалинской областях, признанных в 2017 году лидерами по потреблению алкоголя, эта цифра была еще выше и составила в 2016 году 294 и 269 полулитровых бутылки соответственно.

Еще более наглядным является анализ структуры расходов домохозяйств на конечное потребление. В 2016 году в этой структуре доля расходов на алкогольные напитки составила всего 1,7 % от общего числа расходов [22]. Таким образом, совершенно очевидно, что данная статья расходов не является достаточно ощутимой для семейного бюджета.

Что касается политических факторов, то всю их совокупность можно, на наш взгляд, разделить на две группы. К первой можно отнести деятельность отдельных российских царей, императоров, политических лидеров, имевшую результатом войны, революции и иные политические катаклизмы, провоцирующие всплески алкоголизации в России. Вторая группа включает в себя целенаправленную деятельность государства в отношении потребления алкоголя, которая, по мнению исследователей, и «привела к фактической неуправляемости процессом алкоголизации населения» [6, с.77].

Именно первым лицам государства Россия XVI века обязана появлением крепкого алкоголя на праздничном, а впоследствии, и на ежедневном столе. С этого времени начинается политика жесткого насаждения пьянства среди простого русского народа с целью пополнения государственной казны за счет получения доходов от продажи спиртных напитков. Точкой отсчета этого процесса можно считать 1552 год, когда в Москве по инициативе Ивана IV был открыт первый «царев кабак» одновременно с запретом на домашнее изготовление хмельных «питий» для простого народа. В этот период по инициативе

государства вводится *оклад* – определенный размер выручки с деятельности кабаков, который должен был собираться при любых условиях и обязательно «с прибылью против прежних лет» [18, с.296].

Как справедливо отмечает О.В. Дудкина, начиная с правления Ивана IV «на протяжении всей российско-советской истории наблюдаются колебания власти между прямой экономической заинтересованностью в увеличении продажи алкоголя (экономический интерес) и мерами по сдерживанию его потребления (социальный интерес)» [5, с.15].

Именно заинтересованность государства в получении прибыли с реализации алкоголя стала, по мнению исследователей, занимающихся данной проблемой, одной из причин неэффективности многочисленных «питейных» реформ, которые «неизбежно завершались не только значительным увеличением доходов, поступающих в казну от продажи спиртного, но и нарастанием пьянства, которое приобретало все более массовый и уродливый характер» [6, с.82].

Таким образом, российская модель потребления алкоголя формировалась под влиянием сложной совокупности условий и факторов, с разной степенью воздействующих на массовое сознание в разные периоды российской истории. Исходя из этого, трансформация поведенческих паттернов в отношении потребления алкоголя требует комплексной системы мер со стороны государства, а не только реализации мер по ограничению производства и продажи спиртных напитков, как это было до недавнего времени.

По мнению экспертов [7; 11; 12; 17], усилия государства по сокращению масштабов потребления алкоголя в России должны быть сосредоточены в следующих направлениях:

- 1) определение четких целей (как долгосрочных, так и краткосрочных) антиалкогольной политики государства, разработка системы индикаторов ее эффективности и механизмов воздействия на алкогольный рынок;
- 2) проведение регулярного мониторинга алкогольной ситуации в стране с целью выявления самых проблемных регионов и групп населения, источников производства нелегальных изделий и путей выхода их на рынок;
- 3) изменение состава потребляемых спиртных напитков (т.е., переориентация населения с потребления крепкого алкоголя на слабые спиртные напитки – вино и пиво);
- 4) осуществление мер, направленных на сокращение потребления алкоголя в особенно проблемных социальных группах, а именно – в группах несовершеннолетних и мужчин трудоспособного возраста;
- 5) борьба с производством и продажей «теневого» алкоголя (водочных суррогатов);
- 6) информирование населения о рисках, связанных с употреблением алкоголя;
- 7) разработка и реализация государственных программ федерального и регионального уровня по улучшению качества жизни населения;
- 8) дополнительное ограничение доступности алкогольной продукции по цене, территории, времени и возрасту возможного покупателя;
- 9) изучение взаимосвязей между причинами, приводящими к потреблению алкоголя и самим фактом его потреблением;
- 10) законодательное повышение минимального возраста начала употребления алкоголя с 18 до 21 года.

Для изменения существующей ситуации необходимо строить политику государства в отношении изменения российской модели потребления алкоголя, в первую очередь, на принципах учета национальных особенностей россиян. При этом, основные усилия государственных структур необходимо направить не на осуществление «запретительных» мер, а на повышение уровня и качества жизни населения и расширение возможностей для личностной самореализации. Только в этом случае есть вероятность того, что россияне заменят «алкогольный досуг» на более здоровые формы, недоступные в настоящее время по причине бедственного положения значительной части населения России.

Список литературы References

1. Бойцов С. А., Самородская И. В., Семенов В. Ю. 2016. Влияние медицинских и немедицинских факторов на смертность населения: роль алкоголя // Социальная и клиническая психиатрия. 26 (2): 97-106.
Boytsov S. A., Samorodskaya I. V., Semenov V. Yu. 2016. Vliyanie meditsinskikh i nemeditsinskikh faktorov na smertnost' naseleniya: rol' alkogolya [Influence of medical and non-medical factors on population mortality: role of alcohol] // Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya. 26 (2): 97-106 (In Russian)
2. Вишневский А. Г., Андреев Е., Тимонин С. 2016. Смертность от болезней системы кровообращения и продолжительность жизни в России // Демографическое обозрение. 3 (1): 6-34.
Vishnevskiy A. G., Andreev E., Timonin S. 2016. Smertnost' ot bolezney sistemy krovoobrashcheniya i prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii [Mortality from diseases of the circulatory system and life expectancy in Russia] // Demograficheskoe obozrenie. 3 (1): 6-34. (In Russian)
3. Горячева Н.В. 2003. Модель потребления алкоголя в России // Социологический журнал. 4: 101-107.
Goryacheva N.V. 2003. Model' potrebleniya alkogolya v Rossii [Model of alcohol consumption in Russia] // Sotsiologicheskii zhurnal. 4: 101-107. (In Russian)
4. Демографический ежегодник России. 2017. 2017: Стат. сб./ Росстат. Москва, 263.
Demograficheskii ezhegodnik Rossii. 2017 [Demographic Yearbook of Russia. 2017]. 2017: Stat. sb./ Rosstat. Moskva, 263. (In Russian)
5. Дудкина О.В. 2007. Алкоголизация населения в России: социально-демографические последствия : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 26.
Dudkina O.V. 2007. Alkogolizatsiya naseleniya v Rossii: sotsial'no-demograficheskie posledstviya [Alcoholization of the population in Russia: socio-demographic consequences] : avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk. – Novocherkassk, 26. (In Russian)
6. Заиграев Г.Г. 2009. Алкоголизм и пьянство в России: пути выхода из кризисной ситуации // Социологические исследования. (8): 74-84.
Zaigraev G.G. 2009. Alkogolizm i p'yanstvo v Rossii: puti vykhoda iz krizisnoy situatsii [Alcoholism and drunkenness in Russia: ways out of the crisis] // Sotsiologicheskie issledovaniya. (8): 74-84. (In Russian)
7. Зайкова З.А. 2016. Алкоголь как фактор риска преждевременной смертности населения Иркутской области // Анализ риска здоровью. (2): 45-59.
Zaykova Z.A. 2016. Alkogol' kak faktor riska prezhdevremennoy smertnosti naseleniya Irkutskoy oblasti [Alcohol as a risk factor for premature mortality in the Irkutsk region] // Analiz riska zdorov'yu. (2): 45-59. (In Russian)
8. Здоровье 2020: основы европейской политики и стратегия для XXI века. 2013. Всемирная организация здравоохранения, 232.
Zdorov'e 2020: osnovy evropeyskoy politiki i strategiya dlya XXI veka [Health 2020: European policy framework and strategy for the twenty-first century]. 2013. Vsemirnaya organizatsiya zdoravookhraneniya, 232. (In Russian)
9. Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения, проведенного Росстатом в 2016 году // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/itog_inspect1.htm.
Itogi kompleksnogo nablyudeniya usloviy zhizni naseleniya, provedennogo Rosstatom v 2016 godu [Results of comprehensive monitoring of living conditions of the population, conducted by Rosstat in 2016] // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki : ofitsial'nyy sayt. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/itog_inspect1.htm. (In Russian)
10. Коссова Т., Коссова Е., Шелунцова М. 2017. Влияние потребления алкоголя на смертность и ожидаемую продолжительность жизни в регионах России // Экономическая политика. 12 (1): 58-83.
Kossova T., Kossova E., Sheluntsova M. 2017. Vliyanie potrebleniya alkogolya na smertnost' i ozhidaemuyu prodolzhitel'nost' zhizni v regionakh Rossii [The effect of alcohol consumption on mortality and life expectancy in the regions of Russia] // Ekonomicheskaya politika. 12 (1): 58-83. (In Russian)
11. Немцов А.В. 2014. Алкогольная ситуация в России // Собиология. 2 (2): 13-19.

Nemtsov A.V. 2014. Alkogol'naya situatsiya v Rossii [Alcohol situation in Russia] // Sobriologiya. 2 (2): 13-19. (In Russian)

12. Немцов А.В. 2015. Российская смертность в свете потребления алкоголя // Демографическое обозрение. 2 (4): 111-135.

Nemtsov A.V. 2015. Rossiyskaya smertnost' v svete potrebleniya alkogolya [The Russian death rate in light alcohol consumption] // Demograficheskoe obozrenie. 2 (4): 111-135. (In Russian)

13. Немцов А.В., Шелыгин К.В. 2016. Самоубийства и потребление алкоголя в России, 1956-2013 гг. // Суицидология. 7 (3): 3-12.

Nemtsov A.V., Shelygin K.V. 2016. Samoubiystva i potreblenie alkogolya v Rossii, 1956-2013 gg. [Suicide and alcohol consumption in Russia, 1956-2013] // Suitsidologiya. 7 (3): 3-12. (In Russian)

14. Об итогах Министерства здравоохранения Российской Федерации в 2016 году и задачах на 2017 год, 2017. Москва: 87.

Ob itogakh Ministerstva zdravookhraneniya Rossiyskoy Federatsii v 2016 godu i zadachakh na 2017 god [About results of Ministry of health of the Russian Federation in 2016 and tasks for 2017]. 2017. Moskva: 87. (In Russian)

15. Одинокова В.А. 2016. Социальные предпосылки проблемной алкоголизации в современной России: автореф. ... канд. социол. наук. Санкт-Петербург 24.

Odinokova V.A. 2016. Sotsial'nye predposylki problemnoy alkogolizatsii v sovremennoy Rossii [Social background the problem of alcoholism in modern Russia]: avtoref. ... kand. sotsiol. nauk. Sankt-Peterburg 24. (In Russian)

16. Перцева Е. 2017. Алкоголь сдает позиции // Известия. 102 (29840). 7 июня.

Pertseva E. 2017. Alkogol' sdaet pozitsii [Alcohol is losing ground] // Izvestiya. 102 (29840). 7 iyunya. (In Russian)

17. Письменная Е.Е., Рязанцев С.В., Карабулатова И.С., Томайлы А.Е. 2015. Алкогольные девиации российского общества и социально-экономический кризис второго десятилетия XXI века // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки: Коллективная монография. – Т. 2. Ментальное пространство социума / Коллектив авторов; Под ред. Карабулатовой И.С., Галиуллиной С.Д., Коберси И.С. – М. – Уфа: Уфимский государственный университет экономики и сервиса, 154-158.

Pis'mennaya E.E., Ryazantsev S.V., Karabulatova I.S., Tomayly A.E. 2015. Alkogol'nye deviatsii rossiyskogo obshchestva i sotsial'no-ekonomicheskii krizis vtorogo desyatiletia XXI veka [Alcoholic deviation of the Russian society and socio-economic crisis of the second decade of the XXI century] // Sotsial'no-ekonomicheskie i gumanitarno-filosofskie problemy sovremennoy nauki: Kollektivnaya monografiya. – Т. 2. Mental'noe prostranstvo sotsiuma / Kollektiv avtorov; Pod red. Karabulatovoy I.S., Galiullinoy S.D., Kobersi I.S. – М. – Ufa: Ufimskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i servisa, 154-158. (In Russian)

18. Прыжов И.Г. 2017. История кабаков в России в связи с историей русского народа // Очерки русского быта / Отв. ред. О.А. Платонов. – Москва : Институт русской цивилизации, 640.

Pryzhov I.G. 2017. Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriey russkogo naroda [The history of Kabakov in Russia in connection with the history of the Russian people] // Ocherki russkogo byta / Otv. red. O.A. Platonov. – Moskva : Institut russkoy tsivilizatsii, 640. (In Russian)

19. Русинова Н. Л., Панова Л. В., Сафронов В. В. 2007. Продолжительность жизни в регионах России: значение экономических факторов и социальной среды // Журнал социологии и социальной антропологии. X (1): 140–161.

Rusinova N. L., Panova L. V., Safronov V. V. 2007. Prodolzhitel'nost' zhizni v regionakh Rossii: znachenie ekonomicheskikh faktorov i sotsial'noy sredy [Life expectancy in Russian regions: the importance of economic factors and the social environment] // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. X (1): 140–161. (In Russian)

20. Сабгайда Т.П., Иванова А.Е., Землянова Е.В. 2017. Преждевременная смертность и факторы риска как индикаторы программ снижения смертности в России // Социальные аспекты здоровья населения: электронный научный журнал. 55 (3): 10. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/831/30/lang,ru/>.

Sabgayda T.P., Ivanova A.E., Zemlyanova E.V. 2017. Prezhdevremennaya smertnost' i faktory riska kak indikatory programm snizheniya smertnosti v Rossii [Premature mortality and risk factors as indicators of mortality reduction programs in Russia] // Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya : elektronnyy nauchnyy zhurnal. 55 (3): 10. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/831/30/lang,ru/>. (In Russian)

21. Скворцова отметила рост смертности в России среди сравнительно молодых людей // Interfax : Международная информационная группа [сайт]. URL: <http://www.interfax.ru/russia/457771>.

Skvortsova otmetila rost smertnosti v Rossii sredi sravnitel'no molodykh lyudey [Skvortsova noted the growth of mortality in Russia among relatively young people] // Interfax : Mezhdunarodnaya informatsionnaya gruppya [sayt]. URL: <http://www.interfax.ru/russia/457771>.

22. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2017. 2017: Стат. сб. / Росстат. Москва, 332.

Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii. 2017 [Social situation and standard of living of the population of Russia. Two thousand seventeen]: Stat. sb. / Rosstat. Moskva, 332. (In Russian)

23. Тихонова Г.И., Горчакова Т.Ю., Касьянчик Е.А. 2009. Медико-демографическая характеристика населения трудоспособного возраста в России // Проблемы прогнозирования. 4: 114-126.

Tikhonova G.I., Gorchakova T.Yu., Kas'yanchik E.A. 2009. Mediko-demograficheskaya kharakteristika naseleniya trudospobnogo vozrasta v Rossii [Medical and demographic characteristics of the working-age population in Russia] // Problemy prognozirovaniya. 4: 114-126. (In Russian)

24. Употребление алкоголя. 2015. Информационный бюллетень. Январь (349) // Всемирная организация здравоохранения : официальный сайт. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs349/ru/>.

Upotreblenie alkogolya [Use of alcohol]. 2015. Informatsionnyy byulleten'. Yanvar' (349) // Vsemirnaya organizatsiya zdavookhraneniya : ofitsial'nyy sayt. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs349/ru/>

25. Ягудина Р.И. 2017. Фармакоэкономика алкоголизма. Москва, Медицинское Информационное Агентство, 184.

Yagudina R.I. 2017. Farmakoeconomika alkogolizma. Moskva, Meditsinskoe Informatsionnoe Agentstvo, 184. (In Russian)

26. Tackling harmful alcohol use. Economics and public health policy / Franco Sassi, ed. OEDS Publishing. OECD, 2015 // OECD. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/tackling-harmful-alcohol-use_9789264181069-en.